

СЕКЦИЯ 4

Интеллигенция как фактор интеграции политической жизни страны

УДК 316.334.3(470)

ПОЛИТИКА КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

© *Смирнов Алексей Евгеньевич*

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110
E-mail: aesmir@mail.ru

В статье рассматриваются ресурсы дифференциальной концепции субъекта в исследовании проблемы консолидации российского общества. Политика консолидации общества, подразумевающая ставшего, целостного социального субъекта, неявно опирается на сугубо дискурсивные (в смысле Ю. Хабермаса) средства и механизмы. Консолидации общества в этой ситуации обязательно предшествует некоторый публичный дискурсивный смысл, интересубъективным образом разделяемый сообществом. Автор показывает, что, в соответствии с концепцией дифференциального субъекта, в качестве операциональной, тактической ориентации политика консолидации должна настаивать не на разделении интересубъективного смысла, но на формальном акте вовлеченности в политическое действие. Такой формальный акт, взятый в режиме своего повторения, будет являться сингулярным условием возможности «вызревания» уже не формального, но искреннего политического выбора.

Ключевые слова: дифференциальная концепция субъекта, дискурс, публичная сфера, субъект, консолидация, политика, онтология, гетерология, сингулярность, политический субъект, субъективация.

Проблема консолидации российского общества стоит как никогда остро. Отсутствие единого социокультурного кода, базовой нормативно-ценностной системы, межпоколенческой преемственности естественным образом ведут к активизации крайнего индивидуализма в пику общесоциальным интересам и ценностям. Ответом на этот вызов должна явиться эффективная политика консолидации. Политика консолидации – важнейшая составляющая любой возможной серьезной и последовательной политики. Большинство действующих форматов и институтов солидарности и консолидации достались нам в наследство от советского прошлого и в настоящее время они имеют инерционный характер, базируясь на эмоциональных, образных, традиционных практиках (песни, кинофильмы, литература, истории семей, речи политиков).

Речь фактически идет о дорефлексивных и дотехнологических традициях и ритуалах консолидации, но не о соответствующей политике. Политика же есть рациональная, целенаправленная, системная деятельность по достижению совершенно определенных целей. Политика есть специальный вид деятельности, а не любая активность в рамках государственного или, шире, социального пространства. Поэтому политика консолидации российского общества должна отличаться некоторыми имманентными характеристиками, которые бы и отличали ее от ритуалов консолидации, ощущения консолидации, традиции консолидации. Тогда к ключевым характеристикам политики солидарности нужно отнести системность, рефлексивность, рациональность, целенаправленность, активный характер предпринимаемых действий, их ориентация на ближайшую и отдаленную перспективу, создание институтов солидарности и их организация в сложную многоуровневую систему [6, с. 14–18].

В этой связи важное значение приобретает следующий вопрос: на какое представление о социальном субъекте должна опираться эффективная политика консолидации? С нашей точки зрения, классическое понимание социального субъекта существенно ограничивает методологическую продуктивность данного понятия для социально-гуманитарного знания вообще и политической теории в частности. Цель работы – рассмотреть ресурсы дифференциальной концепции субъекта в исследовании проблемы консолидации российского общества. В нижеследующем изложении мы ставим перед собой три задачи: показать, как в социальном анализе работает классическое представление о субъекте; вскрыть онтологические

основания такого представления; представить дифференциальную концепцию социального субъекта в качестве альтернативы классической концепции [5].

В качестве примера функционирования классической стратегии субъекта рассмотрим социально-философскую концепцию Ю. Хабермаса. Субъект для Хабермаса – это, прежде всего, субъект социальный [7, с. 17]. Условие возможности субъекта – онтологически опережающий факт совместности, «изначальной вплетенности» в социальное. Ю. Хабермас настойчиво отделяет себя от классического представления о субъекте как замкнутом, самотождественном и однородном. Он всячески подчеркивает, что субъект рождается в деятельности и из деятельности [7, с. 18]. Вместе с неклассическими мыслителями немецкий философ подчеркивает конститутивную для субъективности роль Другого [7, с. 18]. Солидаризируясь с постструктуралистами, теоретик дискурсивной коммуникации признает недостаточность концептуализации субъекта посредством субъект-объектной дихотомии [7, с. 18]. «Вершиной» социального действия субъекта является дискурс, а апогеем социального – интерессубъективность, позволяющая должным образом трансформировать публичную сферу. Публичное – это символически выраженное и интерессубъективно разделяемое. Совместное разделение дискурса образует интерессубъективность. Публичная дискурсивная рефлексия растворяет наличные формы господства, размывает институциональные ограничения и высвобождает потенциал коммуникативного действия, наконец, служит рациональным основанием консолидации общества. В результате соглашения и единство достигаются в результате аргументации, а не принуждения. Проблема, однако, заключается в следующем.

Дискурс, по Ю. Хабермасу, от начала и до конца рационален. Он требует, чтобы в процессе коммуникации все мотивы, кроме готовности к рационально обоснованному соглашению, были устранены. Достижение соглашения предполагает добрую волю участников дискуссии, их готовность к диалогу, равновесие между интересами, симметричные шансы в использовании речевых актов, а также «иммунитет» участников дискурса от внешних принуждений или санкций. Подобные условия Ю. Хабермас симптоматично именуется «идеальной речевой ситуацией». Социальный субъект по Ю. Хабермасу – это, в конечном счете, субъект дискурса (в обоих возможных смыслах): 1) дискурс – то, что является фундаментальным

свойством социального субъекта; 2) дискурс – то, чем владеет субъект, разделяя, производя, отрицая, трансформируя последний. Следовательно, субъект дискурса, рациональным образом трансформирующий публичную сферу, есть субъект, отождествляемый со способностью реализовывать коммуникативные компетенции для достижения консенсуса. Или, выражаясь иначе, субъект дискурса – это субъект, отождествляемый с сознанием и рефлексией. Субъект, сознание которого принципиально прозрачно для себя самого.

Но сознание и дискурс, призванные реализовывать политически-значимые трансформации публичной сферы, сами являются сформированными. Содержание сознания (в его идеологической размерности) и специфика функционирования дискурса являются результатом непрекращающихся воздействий социокультурных практик. По этой причине политику нельзя рассматривать как некое внешнее отношение между двумя уже конституированными, ставшими субъектами. Скорее, политика сама конституирует субъектов и их идентичности. Иными словами, всегда есть нечто, что «овозможивает» субъект, является его множественными подвижными условиями.

Таким образом, социальный субъект в любой момент может рассматриваться в двух измерениях: в измерении присутствия, или состоявшейся, ставшей субъективности и в измерении становления, или субъективности становящийся. Субъект как бытие и субъект как становление. Теория Ю. Хабермаса в части, касающейся функционирования дискурса, опирается на «готового», ставшего субъекта. Однако следует помнить, что субъективность, застигнутая в качестве ставшей, обусловлена (онтологически предшествующими ей) множественными контрапунктными отношениями, ситуативный и операциональный характер которых является источником возможных изменений. Интериоризация демократических ценностей и соответствующее им дискурсивное действие, следовательно, не есть то, что от начала и до конца находится в ведении субъекта. История того, что субъект опознает в качестве своего политического самосознания, не является от начала и до конца прозрачной для него самого. В качестве промежуточного вывода мы можем утверждать, что нет и не может быть «собственной истины» субъекта в абсолютном смысле слова. Например, некая политическая позиция (как определенная точка зрения дискурса) не есть нечто априорно заданное и неизменное, так как имеет принципиально становящийся открытый характер. Политическая идентификация, являющаяся сво-

его рода подвижным и операциональным условием возможного воздействия на публичную сферу, это также становление, процесс. Политическая субъективация (как процесс усвоения, «обживания» некоторых политических ценностей) в целом есть процесс становления субъекта, осуществляющийся под воздействием материальных условий, сил, ценностей. Субъект, претерпевающий становление-в-политическом, обретает специфический субъектный профиль, сопряженный с интериоризацией политических ценностей, определяющих субъективную готовность к определенному политическому действию (или сознательному отказу от такового).

Поскольку рациональная трансформация публичной сферы есть важнейшая задача всякой демократической политики, представляется методологически важным ответить на вопросы о том, как осуществляется политическая субъективация, какова субъективная конституция политического акта «занятия стороны» и как возможна его теоретическая реконструкция. Что происходит с субъектом, когда последний опознает для себя значимость политического и как со структурной, не психологической точки зрения описать этот процесс?

Начать, возможно, следовало бы с пересмотра целей и оснований самого понятия субъекта. По этому вопросу начиная со второй половины XX в. в философии отчетливо просматриваются две позиции: онтологическая и гетерологическая. Онтологическая позиция характерна для новоевропейской классической традиции (Декарт – Гегель). В соответствии с этой традицией субъект, прежде всего, является основанием, вне зависимости от того, рассматривается ли он как некоторая онтологическая сущность, или же берется в качестве трансцендентальной субъективности. В любом случае субъект занимает свое принципиально легитимное место, служа всему основанием и функционируя в качестве бытия. Однако не следует забывать общий урок, извлеченный из философии постструктуралистского/постмодернистского толка: всякая онтология с необходимостью частична, принципиально неполна. Следовательно, любое основание, и прежде всего основание в качестве «субъекта», является определенным ограничением по отношению к действительности. Применительно к нашей ситуации это означает следующее: автономия субъективности никогда не является полностью завершенной, поскольку она по определению не охватывает избыточности социального, действие которого распространяется на любой способ ор-

ганизации человеческого существа, в том числе (и в первую очередь) как субъекта.

В отличие от онтологической, гетерологическая традиция пытается работать без опоры на основание. Гетерология есть своего рода «онтология без бытия». В этом случае быть субъектом – не значит обладать неотменяемой рефлексией типа *cogito* или системой трансцендентальных способностей, но... просто быть, существовать. Однако существовать без опоры на что-либо, без бытия или основания. Существование, о котором идет речь, не выводится из сущности, не предшествует и не наследует сущности. Существование этого рода является собственной сущностью [4, с. 155]. Иными словами, для того, чтобы существовать, не обязательно быть субъектом.

Гетерологическая концепция безосновного существования субъекта отнюдь не отменяет и не стремится заменить собою онтологическую концепцию абсолютного субъект-существования. Однако обоснование и построение «безосновной», или дифференциальной концепции социального субъекта необходимы для преодоления ограничений, свойственных классическому онтологическому подходу. Данное обстоятельство можно пояснить следующим образом: субъект для онтологической концепции – это нечто уже ставшее, окончательно конституированное и, в конечном счете, отождествляемое с сознанием. Для концепции дифференциального субъекта он, прежде всего, существование, но существование становящееся, находящееся в становлении. Две фигуры субъекта: субъект как ставшее и субъект как становление.

Субъект как ставшее сознает (самополагает) себя. В данной ситуации с субъектом в структурном смысле больше ничего не происходит и не может произойти. Субъективность (как «бесконечно внутреннее») дана субъекту в модусе присвоения и обладания, она есть «собственное» субъекта. Субъект обретает единство сознания, законченность и полноту. Он становится доступен в прямой и непосредственной достоверности.

При рассмотрении субъекта как становления, напротив, отсутствует какая-либо законченность или форма. Субъект в этой ситуации десубъективируется, претерпевая становление. Становление субъекта, или процесс субъективации связывается не с присутствием присутствующего, а с никогда не прекращающимся выходом в присутствие. Однако дело не заключается в том, чтобы квалифицировать субъекта как событие или как становление, одно или другое.

Вопрос в том, как в процессе субъективации охарактеризовать тип соответствия этих видов присутствия друг другу. Ведь обе формы субъектности имеют место в одном месте, одна становится возможной через другую. Тогда вместо традиционного полагания абсолютного («Начало – это бытие!» или «Начало – это становление!») мы сталкиваемся с ситуацией сложности, но не в смысле «трудности», а в смысле множественности, многосоставности и неопределенности. Субъект в классическом смысле (как автономный, замкнутый и самопрозрачный) перестает быть элементарным фактом. Субъект как ставшее (присутствие) неявным образом обуславливается модальностью становления (не-присутствия). Присутствие и отсутствие, бытие и становление здесь не являются зеркальными отражениями друг друга. Напротив, данное обстоятельство не может означать ничего иного, кроме того, что всякое присутствие не может появиться на свет иначе, как будучи уже дифференцированным, разделенным-в-себе. Именно этот факт саморазделенности является решающим, онтологически-опережающим для всякого существования. Существовать – значит разделяться и... не «быть». Единство социального субъекта не в идентичности и самождественности, но в различии и саморазличении. Самождественный субъект-субстанция есть лишь конечный результат процесса, который если и «начинался», то отнюдь не с противопоставления объекта субъекту, но с суб- или инфрасубстанциональных и доиндивидуальных множественностей.

Социальный субъект, таким образом, предстает как двойственность. С одной стороны, это самождественный субъект сознания, памяти и идентичности, с другой – неотделимые от последнего (и не опознаваемые им) условия выведения его в присутствие. В наиболее общем смысле данное обстоятельство может быть проиллюстрировано примером работы бессознательного. Так, бессознательное для субъекта есть то о чем он, по крайней мере, в данный момент, а) не может знать и что б) является конститутивным для его желаний, запросов, надежд, требований – словом, для субъективности как таковой. Оно действительно, но неразлично, объективно, но неопределенно. Поэтому, говоря о субъекте, мы имеем дело как с его сознанием, так и с актуальностью объективной неопределенности. Последнее обстоятельство должно означать, что в субъекте как таковом заключен не-субъект, неразличимость которого и является условием возможности всех мыслимых тождеств и различий. И

точно так же, как полной формулой субъекта было бы не субъект = сознание, но субъект = сознание и бессознательное, так и объективная неопределенность есть то, что дополняет всякое существование до потенциальной онтологической полноты. В таком случае, «бесконечной глубине» субъективности как «внутреннего» строго соответствует некоторое «внешнее», которое, однако, не находится снаружи субъективности, но является ее фундаментальным латентным условием.

Внешнее субъекта и есть то, что мы назвали объективной неопределенностью, не-субъектом в субъекте, неотъемлемым Другим субъекта. Субъективация в этой перспективе могла бы быть определена как процесс становления внешнего – внутренним, не-субъекта – субъектом, как сложное, многоаспектное и многомерное движение от Другого – к Я, от объективной неопределенности – к очевидностям сознания, идентичности, имени и истории. Антропологической субъективности имманентен неантропоморфный Другой. Другой не является мистической фигурой. Его социальная организация не менее конкретна, чем любое сознательное индивидуальное Я. Другой (как объективная неопределенность или внешнее) есть лишь различие в работе сил, «выписывающих» субъекта. Для субъекта быть в себе – значит быть в Другом, постоянно приходить к себе из Другого по ту сторону логической, хронологической и хронотопической последовательности. «Быть в себе» в таком случае означает не существовать, не быть вовсе, но постоянно смешаться, ненасильственным образом удерживаясь на несамотождественной, гетерологической, ситуативной границе.

Субъективный опыт воспроизводится и осознается в качестве собственности Я, имени, идентичности, личной истории за счет непрекращающегося возвращения Другого, который в конечном счете есть не что иное, как оборотная сторона, изнанка Я. Именно поэтому Я – всегда Другой. Субъект как сознание и идентичность есть до тех пор, пока сохраняется специфическая организация его латентного динамического взаимодействия с Другим. Социальный субъект никогда не дан от природы, в «естественном», абсолютном виде. Определенная структура субъективности требует воспроизведения соответствующих условий своей возможности [2, с. 71–72].

Неотделимость субъекта от Другого (внешнего, объективной неопределенности) подводит нас к необходимости сделать следующий вывод: субъективность процедурна. Она всегда технически

опосредована. Момент техничности формально и содержательно необходим при конституировании любых форм субъективности. Тезис о техничности (процедурности) субъективности открывает возможность мыслить отношение субъекта (и, шире, социального) и Другого – не-социального и не-человеческого. Техничность и субъективность не предполагают оппозиции. Процедурный характер субъективности означает, что всякий социальный субъект задается, формируется и воспроизводится комплексом социокультурных практик (процедур), или технологий субъективации. Социокультурные практики задают субъекту те или иные способы присвоения субъективности, предполагающие сознательную и/или бессознательную работу по упорядочиванию, нормированию, канализации аффектов, страстей, желаний, определению персональной и коллективной идентичности, общественного статуса, социальной роли и т.д. Социальный субъект остается статичным до тех пор, пока данные практики действуют, с тем или иным успехом воспроизводят его субъектную конфигурацию.

Изменение или дисфункция технологий субъективации ведут к изменению самого субъекта. До определенного предела субъект может опознавать эти изменения для своего восприятия как непротиворечивые. Но если социальная динамика превышает возможности субъекта вменять смысл происходящему, он оказывается перед возможностью кризиса идентичности. Субъективация, следовательно, есть не что иное, как самодвижение разрешения субъекта в нечто иное, чем он был. Движение это вызывает модуляцию уникальности, но лишь в той мере, в какой в нем отсутствует сознательное обособленное «Я». Такого рода событийное разрешение есть фундаментальная модальность субъективации. Субъект всякий раз «есть» не иначе, как уже заставший «себя» или собственную субъективность. Субъект «разрешается в собственность» (своей субъективности) до каких-либо намерений по этому поводу подобно тому, как невозможно планировать любовь с первого взгляда, но можно лишь влюбиться (to fall in love), «упасть в любовь», то есть уже застичь себя в данном состоянии.

Общая схема субъективации такова: субъект в режиме неустрашимой включенности в социальное есть субъект выбора, но выбора принудительного. Если анализировать данную схему более подробно, то можно констатировать ее трехчастное устройство [1, с. 13] или одновременное происхождение трех вещей: 1) осуществление

перехода от случайного внешнего к объекту внутреннего признания (например, кто-то принимает решение «просто участвовать» в коммунистическом субботнике); 2) формальное изменение ситуации, когда все остается на своих местах, а трансформируется (субъективируется) лишь субъект (субъект открывает для себя, что «в этом что-то есть»); 3) осуществление принудительного выбора таким образом, что «данность любви» выдается за результат выбора, «свободно» осуществленным субъектом («Странно, что кто-то может не разделять коммунистической идеологии!»).

Вопреки парадоксальности ситуации, мы настаиваем на том, что субъект «совершает» выбор, только «осознав», что выбор уже сделан. Допредикативное разрешение существования предшествует любой субъективной «решимости». Настаивая на «субъективном» выборе, субъект настаивает на утверждении решения Другого, приняв неизбежность некоего социального предписания как свою внутреннюю сущность. Иными словами, то, что принято считать выбором, есть ретроактивное понятие. Выбор всегда в прошедшем времени, причем в такой его особой разновидности, которое никогда не было настоящим (как выведенным в присутствие). Момент выбора субъектом неопределим и не связан с наличием сознательного и автономного решения, ибо тотчас переходит от «еще не» к «всегда уже». Стать другим, претерпеть становление, влюбиться – значит покориться власти абсолютной необходимости как чистому движению разрешения. Движение разрешения, определяющее и определяемое субъекта в одно и то же время, и есть не что иное, как сингулярность повседневности [5, с. 255–260; 3, с. 111–119]. Перефразируя шутку студентов М. Хайдеггера, можно было бы сказать, что субъект как результат субъективации есть «всегда уже решившийся», но не имеющий понятия, как именно. Именно подобное сингулярное существование дает место жизни субъекту, десубъективация которого, в свою очередь, может тем или иным образом освободить свое бездонное основание в пользу нового способа производства субъективности.

В субъективации внешнее становится внутренним, однако, не в диалектической парадигме присвоения «своего иного» и в гарантированном возврате к своему «внутреннему» из любого «внешнего», но в становлении другим без возврата и гарантий. Вся мыслимая «собственность» субъекта, все, что опознается им в модусе обладания как свое, конституируется в задержке от причин, сделавших

«собственное» возможным. Тот или иной акт субъективации имеет причины – однако, эти причины всегда синтетические и случайные – встреча, опережающая узнавание, конъюнкция единичностей. Причинность, действующая в процессах субъективации и определяющая, перенаправляющая и распределяющая их, зависит от сочленения сингулярных составляющих, которое могло бы быть и другим в случае их другого соседства и взаиморасположения. Принцип причинности – есть принцип случайной причинности, ибо, по выражению Ж. Делеза, «подлинные причины могут быть только случайными».

Таким образом, политика консолидации общества, подразумевающая ставшего, целостного и автономного субъекта, должна опираться на сугубо дискурсивные (в смысле Ю. Хабермаса) средства и механизмы. Консолидации общества в этой ситуации обязательно предшествует некоторый публичный дискурсивный смысл, интерсубъективным образом разделяемый сообществом. Дифференциальная концепция субъекта предполагает, напротив, что любое (в том числе и дискурсивное) содержание сознания имеет генетические и дифференциальные условия своего возникновения и функционирования. Тогда в качестве операциональной, тактической ориентации политика консолидации должна настаивать не на разделении интерсубъективного смысла, но на формальном акте вовлеченности в политическое действие. Такой формальный акт, взятый в режиме своего повторения (вспомним трехчастную схему субъективации) будет являться сингулярным условием возможности «вызревания» уже не формального, но искреннего политического выбора.

Литература

1. Долар М., Божович М., Зупанчич А. Истории любви / пер. с англ. А. Смирнова / под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. – Спб.: Алетейя, 2005. – 156 с.
2. Зимовец С. Клиническая антропология. – М.: Прагматика культуры, 2003. – 136 с.
3. Керимов Т. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал-наука, 1999. – 169 с.
4. Нанси Ж.-Л. Сегодня / Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований в философии ИФ РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С.148–164.

5. Смирнов А. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. – Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 306 с.

6. Фомин И. Политика памяти в РФ как реальность и как необходимость // Сократ. Журнал современной философии. – 2010. – №2. – С.14–19.

7. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. – М.: Весь Мир, 2011. – 336 с.

CONSOLIDATION POLICY FOR THE RUSSIAN SOCIETY AND THE PROBLEM OF A POLITICAL SUBJECT

Aleksey E. Smirnov

Doctor of Philosophy, A/Professor, Professor, Department of Philosophy, Psychology and Socio-Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
110 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russia
E-mail: aesmir@mail.ru

The article discusses the resources of differential concept of the subject in investigating the problem of consolidating the Russian society. The policy for society consolidation implying existence of a developed integral social subject indirectly relies on exclusively discursive (in Yu. Habermas's sense) means and mechanisms. Consolidation of a society in this case is preceded by a certain public discursive meaning, shared by the community in an intersubjective way. The author shows that, according to the concept of the differential subject, the policy of consolidation as an operational tactical orientation should insist not on the division of inter subjective sense, but on the formal act of an involvement into political activity. Such a formal act taken in the mode of the repetition will be a singular condition of a possibility of «ripening» not of a formal, but genuine political choice.

Keywords: differential concept of the subject, discourse, public sphere, subject, consolidation, policy, ontology, heterology, singularity, political subject, subjectivation.